

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 25 (62) от 23 июня 2010 г.**

ДИАЛОГ

**Алексей Власов:
формат национального лидера
ВЕДЕТ К СТАГНАЦИИ ВЛАСТИ**

Привычная зависимость от России в последнее время заставляет смотреть в Казахстане в рот московским персоналиям. Поскольку в геополитическом плане в отношениях стран первую скрипку играет Кремль, то очень часто представители России осведомлены гораздо больше, нежели в самой Ак Орде. Неожиданные заявления российского политолога Алексея Власова, занимающегося нашим регионом, о том, что будет в Казахстане дальше, могут заинтриговать читателя.

– После волевого решения спикеров парламента и премьер-министра о принятии законов, связанных со статусом «лидера нации», многие в Казахстане испытывают стыд, боль и горечь. А что скажете вы, как россиянин, наш сосед?

– В данном случае я могу говорить только как политолог. Россия прошла обсуждение темы «лидера нации» или «национальный лидер» еще в 2007 году, когда группа депутатов от «Единой России» выдвинула идею сохранения власти у Владимира Путина через введение особого статуса – «национальный лидер», который бы существовал вне конституционного строя, и тем самым решался вопрос третьего срока. Но тут возник вариант так называемой тандемократии. И многие тогда смену идеи восприняли с облегчением, потому что введение формата «национальный лидер» означает стагнацию власти. А сейчас в России поле для реформ остается-таки открытым.

С этой точки зрения мы следили за дискуссией, которая развернулась в Казахстане вокруг проблемы о лидере нации. Единственное отличие процесса в Казахстане от России в том, что у вас с самого начала возникало ощущение чисто аппаратной борьбы вокруг этого проекта. И в том виде, в каком он принят, – это не есть окончательная версия более глобального тренда формирования пространства, которое будет подчинено непосредственно лидеру нации.

Так что нельзя оценивать события в Казахстане с точки зрения того, будут ли процессы развиваться более или менее демократично. А это значит, что теперь вопрос стоит о том, по какому пути пойдет Казахстан в ближайшие годы. И эта дискуссия с принятием закона еще не завершена.

– Раз уж принят закон, якобы без ведома Назарбаева, то, по логике, должна же быть какая-то реакция со стороны президента?

– Да, я уверен, что история вокруг законопроекта еще не завершена. И все-таки какая-то реакция со стороны президента в той или иной форме последует. Будет

ли просто отказ от статуса или же он в более жесткой форме выразит свое отношение к закону, рано или поздно это произойдет. Я думаю, что президент еще не сказал последнего слова.

– Но пока президент не совершил никакого поступка, а ситуация в стране уже изменилась. Что теперь будет представлять Казахстан для России?

– То же, что и представлял до этого момента. Страну, которая, особенно на фоне событий в Киргизии и не совсем тактичного поведения Минска, является наиболее близким и важным стратегическим для России государством-партнером.

Введение статуса о лидере нации никак не повлияло на отношение к стране ни со стороны российской элиты, ни со стороны простого населения.

– Не возникают ли у нашего северного соседа опасения, что у Нурсултана Назарбаева, как и у Курманбека Бакиева, возникнут соблазны играть на два, а то и на три фронта?

– Если говорить серьезно, то Курманбек Бакиев, как политик, по большому счету рядом не стоял с Назарбаевым. И это не дань сервильной оценке, которую любят давать у нас некоторые эксперты в адрес Нурсултана Назарбаева, а просто потому, что ваш президент имеет громадный опыт еще с советской эпохи управления.

Это человек, который в свое время направил Казахстан в сторону многовекторности. Тем не менее, российский вектор не стал для Казахстана менее значимым. В Кремле всегда понимали, что Назарбаев вынужден играть на несколько фронтов.

А вот будет ли гарантирована при преемнике верность российскому вектору, я не уверен.

– В Казахстане целый ряд политологов считает, что несмотря на то, что юридически мы не пришли к монархии, но фактически – да. Согласны ли вы с ними?

– Я не вижу в ближайшем окружении президента «семейных людей», тех, кому эту власть можно было бы передать.

В любом случае, предоставив свободу конкуренции людям из ближнего круга, не связанных с ним семейными узами, президент продемонстрирует отсутствие монархической передачи власти.

Но, безусловно, политику в данном контексте определит именно Назарбаев.

– До этого в Казахстане политологи ожидали, что преемником президента должен стать близкий родственник, который и будет гарантировать неприкосновенность семьи президента. Фактически это наследование, которое присуще монархиям. Как вы думаете, кто может претендовать на эту роль?

– Вы обратили внимание на то, что гарантируется безопасность семьи президента не персоной наследника, а юридическими, конституционными нормами. Поэтому уже нет необходимости выбирать фигуру наследника для гарантий безопасности. В этом смысле у Назарбаева открывается возможность для маневра. То есть преемником, на мой взгляд, еще раз подчеркну, будет человек не из его семейного круга.

– Вы бы не могли предположить примерно, кто это будет?

– У вас не любят, когда гадают на кофейной гуще. Но, если воспроизвести ту логику передачи власти, которая мне видится, то, я не думаю, что в ближайшие два-три года Назарбаев уйдет в новый формат управления. Но если он это сделает, то на эту роль подходят два человека – это спикер сената Касымжомарт Токаев и нынешний госсекретарь, министр иностранных дел Канат Саудабаев.

– Как теперь будет вести себя политическая элита Казахстана? Усугубится ли теперь борьба между номенклатурой за место «под солнцем»?

– А разве она когда-нибудь прекращалась? Когда представители элиты более ясно поймут сценарий развития событий в стране, скорее, наоборот, внутриэлитная борьба стихнет, потому что нужно будет адаптироваться к новым правилам игры. А сейчас нет ни общих установок, ни персоналий. Отсюда и начинаются информационные войны, которые представители элитных групп сейчас ведут.

– В связи с вступлением Казахстана в Таможенный Союз казахстанское пространство уже перекраивается в пользу России. В стране есть мнение, что этот Союз приведет республику к полной экономической, а значит, и политической зависимости от России...

– Абсолютно не согласен с таким мнением. Россия не ставит перед собой такой задачи. Российская элита и государство в целом просто не в состоянии переварить воссозданные территории неоимперии, как пишут национал-патриоты. Максимум, на что рассчитывает Россия в рамках Таможенного союза, – это на экономическую и политическую интеграцию в рамках данного проекта. Но мы видим на примере Белоруссии, что этот софт-вариант идет с трудом.

– Можно ли рассматривать уступку Казахстана России как плату за безопасность президента Назарбаева и его семьи?

– Конечно, нет, это абсурдно. Во-первых, вхождение в ТС по отношению к России – довольно высокая цена. Во-вторых, я думаю все-таки, что когда Казахстан принимал такое решение, то явно не исходил из соображений гарантий безопасности президенту. И, вообще, так вопрос не ставился.

– Почему казахстанские власти упорно пытаются навязать «БТА банк» Сбербанку России? И пойдет ли на такой политический довесок этот финансовый институт, сросшийся с властью России?

– А что с БТА еще делать? Если были бы какие-то предложения по приобретению БТА внутри страны, то, может быть, казахстанское руководство рассмотрело такие варианты. Но ситуация с проблемным банком настолько запущена прежним менеджментом, что его теперь можно продать только через частное предложение Сбербанку. И поэтому так отчаянны попытки «самруковского» руководства, которое ведет этот проект – достичь все-таки окончательного соглашения. А другого выхода, по-видимому, и нет.

– А почему банк не продать открыто, через тендер?

– Идея открытых торгов здесь, по-видимому, рассматривалась, но, может быть, как раз-таки по политическим причинам от нее и отказались. Я думаю, что в этой версии больше резонансов политических, чем экономических.

– Так состоится ли приобретение «БТА банка» Сбербанком?

– Россия пойдет на этот шаг. Судя по тому, что сберовское руководство постоянно говорит о том, что БТА находится в сфере интересов банка, то речь идет

только об условиях сделки. А психологически менеджмент Сбербанка, я имею в виду Германа Грефа, к такого рода соглашениям готов.

– Казахстан придерживается четкой позиции в отношении Кыргызстана. Это дань тому, что Назарбаев относится к Бакиеву как к такому же правителю, как он сам, или это здоровое понимание того, что конфликт в случае вмешательства может переброситься и на Казахстан?

– Я думаю, что это позиция, которую демонстрирует не только Казахстан, но и остальные страны, вовлеченные в кыргызский конфликт. Непродуманное поспешное вмешательство может привести только к одному – ситуация в Кыргызстане отразится и на внутреннем положении других Центрально-Азиатских государств. Никто не хочет рисковать. В том числе и у Назарбаева нет резона идти своим путем открыто в том момент, когда он, по сути, дистанцировался от прямого вмешательства в кыргызские события. Ведь и Россия, несмотря на то, что Медведева новое руководство Кыргызстана призывало как можно быстрее ввести войска и оказать содействие в урегулировании конфликта в республике, так и не сделала никаких опрометчивых шагов. Так что это общий подход и для Казахстана, и для России.

**Мариям УНГАРОВА,
«D»**